

УДК 81-13

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1002-0077

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЭВФЕМИИ

© Автор(ы) 2021

Author ID: 891724

SPIN: 1928-3158

ORCID: 0000-0002-8189-5795

ЛОГВИНА Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры

иностранных языков № 4 Института иностранной филологии

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

(295007, Россия, Симферополь, проспект Вернадского, 4, e-mail: svet.logvina@mail.ru)

Аннотация. В рамках теории конвенционализма эвфемистическая функция понимается как условно принятое соглашение, с помощью которого коммуниканты выбирают из ряда различных и одинаково возможных описаний приемлемый способ выражения (овнешнения) физических явлений. Конвенциональная сущность эвфемии, по мнению автора, может быть представлена следующими категориями: пангуманистическая конвенция, определяющая общечеловеческие отношения между людьми, лишенные гендерных и социальных различий, влияния институтов власти и культуры, – взаимодействие, основанное на врожденных (инстинктивных), свойственных природе человека качествах; социогенная конвенция, порожденная обществом интрасоциальная договоренность, которая имеет особое внутригрупповое значение, объективно существующее внутри устойчивой совокупности людей, связанных системой отношений, регулируемых формальными или неформальными социальными институтами; и спорадическая конвенция – случайный, зачастую единичный уговор, не имеющий всеобщего распространения, действующий в рамках первичной группы, где взаимодействие между участниками группы носит стихийный характер, поскольку оно обуславливается их личными отношениями, общностью системы ценностей, которые определяются ожиданиями членов группы по отношению друг к другу. Семиотический эвфемистический субстрат определенного концепта имеет широкую вариативность среди языковых знаков, он может быть выражен целым рядом вербальных и невербальных средств и возникать как кодово-вариативное явление, которое в каждом коммуникативном акте сохраняет понятийную сущность, но меняет форму выражения в зависимости от типа конвенциональных отношений.

Ключевые слова: эвфемистическая конвенция, культурная схема, культурные стереотипы, эвфемистическая функция, эвфемистические знания, перцептивный цикл, репродуктивный цикл, прогностический результат, прагматический результат, национально-культурная специфика.

CONVENTIONAL ESSENCE OF EUPHEMIA

© The Author(s) 2021

LOGVINA Svetlana Andreyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor

of the Department of Foreign Languages No. 4 of Institute of Foreign Philology

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

(295007, Russia, Simferopol, Vernadskogo avenue 4, e-mail: svet.logvina@mail.ru)

Abstract. In the framework of the theory of conventionalism, a euphemistic function is understood as a conditionally accepted agreement, with the help of which communicants choose an acceptable way to express (externalize) physical phenomena from a number of different and equally possible descriptions. The conventional essence of euphemia, according to the author, can be represented by the following categories: panhumanistic convention, which defines universal human relations between people, devoid of gender and social differences, the influence of institutions of power and culture, i.e. an interaction based on innate qualities of human nature; sociogenic convention, an intrasocial arrangement generated by society, which has a special intra-group meaning, objectively existing within a stable set of people connected by a system of relations regulated by formal or informal social institutions; a sporadic convention, a random, often single agreement, not widely distributed, operating within the framework of the primary group, where the interaction between the group members is spontaneous, because it is determined by their personal relationships, the commonality of the value system, which is determined by the expectations of the group members to each other. Semiotic euphemistic substrate of a certain concept has a wide variability among linguistic signs, it can be expressed in a variety of verbal and non-verbal means and arise as a code-variative phenomenon that preserves a conceptual essence in each communicative act, but changes the form of expression, depending on the type of conventional relationships.

Keywords: euphemistic convention, cultural scheme, euphemistic function, euphemistic knowledge, perceptual cycle, reproductive cycle, prognostic result, pragmatic result.

ВВЕДЕНИЕ

Мир человеческих взаимоотношений невозможен без компромиссов, под которыми понимаются взаимоприемлемые соглашения, обусловленные определенными целями. В лингвистической теории широко распространено понятие «эвфемия» как способ создания гармоничной коммуникации за счет творческих преобразований (трансформации нежелательных смыслов), ориентированных на адресата. Философским базисом эвфемии считается всечеловеческая концепция гуманности – «забота о себе», реализация которой осуществляется в рамках как лингвистических, так и экстралингвистических процессов, с общей тенденцией к смягчению и улучшению, что в значительной мере упрощает социальную адаптивность индивида в самом широком смысле. Актуальность фундаментального исследования феномена «эвфемии» сегодня связана не только с информационной эпохой, которая значительным образом изменила ценности (стигмы) и форму современного общества, но и с насущной потребностью сохранения

этого явления в современной культуре.

Обращение к феномену эвфемии в нашей работе обусловлено осознанием того факта, что, несмотря на значительное количество исследовательских работ, освещающих аспекты функционально-семантической классификации эвфемизмов (А.М. Кацев, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.П. Москвин, К.К. Шахжури), механизмы формирования и пополнения эвфемистических номинаций (А.М. Кацев, В.П. Москвин, Е.И. Шейгал, Б. Варен), стилистическую принадлежность эвфемистических единиц (О.С. Ахманова, И.Р. Гальперин, В.П. Москвин, Е.П. Сеничкина), когнитивные основания эвфемизации (Н.Н. Болдырев, Ю.В. Алексикова), гендерную особенность эвфемии (Г.А. Вильданова), реализация его коммуникативно-прагматического потенциала все еще не нашла удовлетворительного освещения.

В рамках коммуникативного акта эвфемизм как способ достижения гармонии синтезируется намеренно для удовлетворения потребностей социума (по случаю), путем синхронизации внешней и внутренней реальности,

что свойственно всем языкам [1], в каждом конкретном случае (языке) отражаются специфические культурно-национальные черты (языковые и культурные универсалии), свойственные тому или иному сообществу: в арабской культуре, например, такой способ синхронизации называется само-цензурой [2], а в американском культурном сообществе употребление эвфемизма указывает на уровень терпимости, сочувствия и образования индивида [3].

МЕТОДОЛОГИЯ

Согласно развиваемой нами теории, прагматический потенциал сложной системы эвфемии напрямую зависит от индивидуально выбранных способов реализации концепции «забота о себе», призванных обеспечить комфортную социализацию индивида, гарантируя его безопасность и защиту от тревоги. Эффективная интеграция индивида в социальную среду, в свою очередь, зависит от ответной реакции адресата, поскольку вся творческая эвфемистическая деятельность адресанта ориентирована на адресата(тов), на его способность декодировать (осмысление реального события, представленного в акте коммуникации, а затем восстановление недостающего структурно-семантического компонента) эвфемистическую интенцию Говорящего.

Целостное единство системы-эвфемии представляется возможным лишь при равноправной унии репродуктивного и перцептивного циклов, что подразумевает невозможность «абстрагироваться от когнитивных оснований, эксплицируемых в познавательный этнологический социокультурный, учредительный опыт, являющийся продуктом смысла» [4]. Следовательно, репродуктивный цикл – это период времени с момента возникновения ситуации, требующей эвфемизации (по мнению адресанта) и до момента выхода готового продукта (знака), который Говорящий позиционирует как эвфемизм. Перцептивный цикл – это реакция (со стороны адресата), демонстрирующая принятие или непринятие условий коммуникативного соглашения. Таким образом, итог эффективной деятельности эвфемии как системы можно представить равенством двух составляющих, которое будет верным при всех возможных значениях составляющих его переменных, а точнее, как соответствие замысла Говорящего - прогностический результат (ПР), который влияет на количественный и качественный компонентный состав системы, реальному результату (РР) (прагматический эффект), с помощью которого определяется степень оправданности ожидания Говорящего посредством отклика со стороны адресата. Полное или частичное соответствие или несоответствие этих результатов подтверждает факт и определяет степень успешности реализации системы-эвфемии. И если ожидания Говорящего оправдываются, и адресант демонстрирует «прочтение» лексической единицы как эвфемизма, можно говорить об успешной реализации эвфемистической функции. Соответственно, если Говорящий не встретил понимания в лице адресата, то, независимо от того, как качественно был составлен эвфемизм (с учетом правил образования эвфемизма), и сколько было затрачено когнитивных усилий при кодировании, считать такую лексическую эвфемизмом не правомерно, поскольку эвфемизм создается с «для Другого».

В перспективе обсуждения равенства прогностического и прагматического результатов эвфемии как системы, обратим внимание на следующее понятие, которое определяет процессуальную форму исследуемого феномена, без которого пояснительный текст не будет носить исчерпывающий характер. Речь идет об эвфемистической ФУНКЦИИ. В качестве функции системы эвфемии она выражает поведение системы, демонстрируя уникальные отношения между ее компонентами, определяет целостность и взаимозависимость одного компонента от другого в каждом конкретном случае и языке. Эвфемистическая ФУНКЦИЯ отображает соответствие таких переменных величин, как ПР (прогностический

результат, элемент репродуктивного цикла со стороны адресанта) и РР (реальный результат, неотъемлемое звено перцептивного цикла со стороны адресата). В наших исследованиях мы неоднократно обращались к теме эвфемистической функции, что позволило нам прийти к следующим выводам: «Как и математическая, эвфемистическая ФУНКЦИЯ задается определенными условиями, детерминируемыми потребностями Говорящего, и представляет собой конвенцию, суть которой заключается в достижении субъективных, сознательных соглашений (не запретов) между участниками коммуникации. Так, если тождество $ПР = РР$ является правильным, можем говорить о том, что уникальным образом скомбинированные компоненты системы эвфемии в конкретном случае «сыграли», реализовав эвфемистическую ФУНКЦИЮ, обеспечив соглашение между участниками коммуникации. Если по каким-либо причинам $ПР \neq РР$, то прогноз результата оказался неверным и эвфемистическая ФУНКЦИЯ не была реализована, участники не достигли соглашения» [5], а именно, не нашли компромиссное решение, кодируемое и декодируемое как эвфемизм. Говоря точнее, при декодировании адресат не нашел в своем лексиконе такого соответствия, которое смогло бы выполнить функцию эвфемизма и улучшить денотативное значение самого понятия.

Кодовая вариативность, как и семиотическая дисперсность концепта опирается на два типа его отношений с результатом – прогностическим и откликом, что может быть представлено как соответствие результатов репродуктивного и перцептивного циклов, которые обеспечивают функционирование эвфемии как системы. С позиции репродуктивного цикла концепт возникает как апелляция к знаку, во всем разнообразии форм и альтернативных средств реализации. Из перспективы перцептивного цикла концепт является результатом своей знаковой апперцепции (паттерн «знак/и» концепт»), основанной на типе конвенции.

Развивая теорию эвфемии через вектор конвенционализма, следует уточнить, что в основу современных идей конвенционализма легли логические рассуждения Э. Маха и П. Дюгема, которые пришли к заключению, что в решении любого рода научных проблем ключевую роль играют ранее принятые понятийные соглашения, а не массив опытных данных. Более наглядное представление конвенционализма продемонстрировал в своих работах Анри Пуанкаре; он писал, что «основные положения (принципы, законы) научных теорий не являются ни синтетическими истинами *a priori*, ни отражением реальности *a posteriori*, а представляют собой суть соглашения, единственным абсолютным условием которых является логическая непротиворечивость» [6]. В рамках теории конвенционализма эвфемии следует понимать как конвенцию, то есть условно принятое соглашение, с помощью которого коммуниканты выбирают конкретное (приемлемое) описание (выражение) внеязыковых явлений среди семиотического массива возможных описаний. Выбор тех или иных комбинаций из множества возможных диктуется практическими соображениями. Именно в трактовке конвенциональной сущности эвфемистического знания и проявляется новый взгляд на исследуемый феномен.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Конвенциональная сущность эвфемии, по нашему мнению, может быть представлена следующими категориями:

- пангуманистическая конвенция, определяющая общечеловеческие отношения между людьми, лишенные гендерных и социальных различий, влияния институтов власти и культуры, – взаимодействие, основанное на врожденных (инстинктивных), свойственных природе человека качествах. Благодаря современным открытиям (системы зеркальных нейронов) взгляд на природу и этическую ценность эвфемии изменился. Эвфемия стала осознаваться не только как литературный прием, но и

как проявление глубокого фундаментального процесса, как когнитивный механизм концептуализации знаний [7].

К эвфемистическим элементам, обеспечивающим функционирование пангуманистической конвенции, в рамках нашей теории относятся экстралингвистические средства выражения, которые максимально сигнализируют эвфемистическую интенцию адресанта и значение которых понятно каждому, независимо от возраста и культуры. Такими экстралингвистическими средствами являются:

- просодические (изменения тональности, смех, кашель, вздох и т.д.), которые находятся в прямой зависимости от психологических характеристик и когнитивных процессов индивида; в музыке возможно передать мотив трагичности (реквием, месса или похоронный марш) «посредством смены ритма, тональности, использованием минора и нисходящего характера, а также неопишуемого печального, гневного или агрессивного звучания [8]»;

- кинетические (жесты, мимику, пантомимику, а также визуальный контакт), например: нередко достаточно элементарного прикосновения или печального вздоха, чтобы продемонстрировать сочувствие и сострадание, две руки, поднятые вверх – моление о пощаде или мире; протянутые ладони вверх – моление о помощи, а также жест просьбы; прижатые ладони к щекам – выражение печали и скорби;

- проксемические, с их помощью происходит реализация эвфемистической интенции адресанта путем организации пространства (например, приближение, как способ показать единство, либо сохранение дистанции, как своего рода гарантия сохранения безопасности);

- визуальные средства и приемы выражения эвфемистической интенции подразделяются на: хроматические (выражение цветового и светового спектра), геометрические (определяющие пространственные фигуры, их формы и отношения) и визуально-пластические (отсылающие к художественным ассоциациям, включающим как философские идеи, так и общественные размышления о жизни. Сюда относятся: живопись, скульптура, графика, монументальное искусство, фотоискусство, кинематограф, архитектура, декоративно-прикладное искусство, театр, видеоарт и т.д.). В этой категории концепт «смерть» имеет форму выражения как, с помощью единичных образов: старуха с косой (мечем, песочными часами), скелет, мертвец с остатками плоти и т.д., так и групповых: летучие мыши, черные вороны, низшие мифологические существа и т.д. Еще в древности для изображения смерти как концептуального понятия обращались к изображениям богов, героев, ангелов, имеющих связь и доступ к загробному миру. Смерть, будучи важной частью естественного процесса жизненного цикла, может так же быть представлена посредством разнообразных процессов увядания: испорченные, гнилые фрукты и т.д., завявшие или высохшие цветы, сломанное дерево и т.д.;

- отдельной категорией можно выделить «силенцию», которая, являясь базовой характеристикой эвфемии, применяет различные виды опосредованного выражения информации (семантически, просодически и темпорально) и может относиться как к лингвистическим, так и экстралингвистическим средствам» [5];

- *социогенная конвенция*, порожденная обществом интрасоциальная договоренность, имеет особое внутригрупповое значение, объективно существующее внутри групп с устойчивой коллективностью, тип отношений которых определяется и регулируется с помощью формальных или неформальных социальных институтов. Социальная группа играет существенную роль в формировании и развитии общества как архаического, так и современного, поскольку «интегрирует индивидов с различным социокультурным, социально-психологическим обликом и разными социально-демографическими при-

знаками в объединении формального и неформального свойства, где имеет место сохранение культурной идентичности, удовлетворяются потребности и реализуются интересы людей» [9]. В терминах социогенной конвенции мы будем говорить о вторичных, более многочисленных группах, в которых взаимодействие подчинено достижению определенной цели и носит формальный, безличный характер, как, например, производственные, политические, религиозные и т.д. сообщества. Во вторичных группах люди взаимодействуют в рамках системы ценностей и запретов, действующих в этом конкретном обществе, что не предполагает наличие близких межличностных связей и высокую эмоциональность отношений. В данной категории к эвфемистическим элементам, обеспечивающим функционирование социогенной конвенции, в рамках нашей теории, относятся как лингвистические, так и экстралингвистические средства выражения, максимально передающие эвфемистическую интенцию автора, обусловленную потребностями социальной группы, членом которой он является. Однако, в отличие от первой категории, содержание эвфемизмов данной подгруппы зависит, в первую очередь, от коллективной семантики этих слов (понимание и признание значения слова всеми членами социальной группы) и напрямую регулируется такими критериями как возрастные и гендерные особенности, этические нормы, профессиональные и культурные традиции, то есть «соответствует «культурным схемам», апостериори проинтерпретированным в соответствии с коллективной историей и традицией» [10,11]. Термин «культурная схема» определяет процесс интерпретации настоящего с помощью логических выводов (предположений и ожиданий), основанных на особенностях генеза и эволюции конкретной культуры. Культурные схемы как продолжение биологических схем, возникают из опыта, «проинтерпретированного в соответствии с коллективной историей и традицией, представляя собой мощные культурные, психологические феномены» [12].

Расширяя границы понятия «схемы» Ф. Шарифан [13], предлагает формулировку «культурное знание», что отражает совокупность знаний (сведения), представлений, предрассудков, бытующих в рамках одного этноса, т.е. потенциально известные всем членам сообщества. По мнению Ф. Шарифана «культурное знание», будучи одновременно и индивидуальным достоянием, и наследием целой культурной группы, обусловлено взаимодействием членов этой группы и историей ее развития, тождественно по отношению к объему и вариативности этого знания: ритуалы, артефакты, орнаменты, искусство и т.д.

Рассмотрение специфики эвфемии в рамках социогенной конвенции невозможно без упоминания о культурном знании. Т.Ю. Сазонова предпринимает попытку структурирования культурного знания путем дробления его на культурные концептуализации как составные части общего знания. Такого рода концептуализации, по мнению ученого, формируются в результате согласованного социально-культурного взаимодействия носителей одной культуры (т.е. конвенционализации) и служат опорой для взаимопонимания представителей этой группы [14].

Для иллюстрации эвфемистической активности в рамках социогенной конвенции обратимся к концепту «смерть», который, будучи фундаментальным феноменом как в индивидуальном, так и в коллективном сознании, представляет собой «эталон, индикатор характера цивилизации, взяв за основу который, следует изучать закономерности развития человека, общества и культуры» [15].

Одним из основополагающих базисов, влияющих на мировоззрение и убеждения как отдельного индивида, так и целых цивилизаций, на протяжении длительного периода развития человечества является религия [16]. Несмотря на универсальность всеобщего феномена

смерти, каждая мировая религия самобытно трактует и располагает этот феномен в иерархии своей системы ценностей.

Что касается классификации социальных групп по религиозному признаку, необходимо уточнить, что в русскоговорящих и англоговорящих европейских странах христианство играет важную роль в жизни людей, а эвфемизмы о смерти в основном исходят из Библии и тесно связаны с христианской верой. Многие христиане полагают, что *загробная жизнь* означает *попасть на небеса*, быть *призванным к Богу*. Например, обозначение смерти как *освобождения, встречи с Творцом, being in the arms of Jesus* (англ. букв. *находиться в руках (объятиях) Иисуса*); *(to go to heaven* англ. букв. *пойти на небеса*) является часто употребляемым эвфемизмом. В своих проповедях и обращениях к пастве священники раскрывая понятие «смерть» стремятся к использованию преимущественно положительных коннотаций, как например: *вечная жизнь, величайшее таинство, жизнь души за гробом, обретение покоя, освобождение от оков бренного тела, юдоли земных печалей, освобождение вечной души, засыпают и уходят с миром, временное разлучение души и тела, вечность, ценность, дарованная свыше, не воспринимает от сна, а также встреча в Богом*.

В Китае ни одна религия (конфуцианство, даосизм и китайский буддизм) не имеет такого важного статуса и влияния, как христианство в европейских странах. Эвфемизмы о смерти в Китае отражают разнообразие идеологий, религий и восприятия жизни и смерти, и поэтому эвфемизмов, относящихся к смерти, больше (1825) [17], чем в английском языке (более 70) [18]. Уникальной для Китая особенностью является представление о причинах смерти для представителей разных социальных классов. Так, вербальное эвфемистическое выражение для обозначения смерти императора, кардинально отличается от эвфемизма, обозначающего смерть обычного гражданина, например: *驾崩*, смерть монаха воспринимается как *Нирвана*; пожилые люди умирают в интересах нации (освобождая место новому поколению) *寿终止*; умирающий за национальные интересы *殉国*; умирает вместе с монархом *殉葬*; умирающих за защиту родины как *мучеников* и т.д. Долголетие – это еще один ключевой мировоззренческий элемент в китайской культуре. Поэтому для обозначения смерти также используются следующие эвфемизмы: *шэн тиан* (升天, *иди на небеса*), *синь ши* (кто-то не мертв, вместо этого он становится бессмертным), *хуа он* (化鹤 *стать журавлем*; птица является символом долголетия в Китае) [19].

Еще одним примером вторичной социальной группы является профессиональное сообщество, в рамках данного исследования рассмотрим медицинское. Поскольку профессиональная деятельность врача заключается в моделировании реальности в специально организованном пространстве в специально отведенное время, то при этом «происходит актуализация такого способа отражения реалий окружающего мира в сознании медицинского работника, при котором врач, действующий в ситуации «здесь и сейчас», наполняет собственным смыслом устойчивые (выработанные данным лингвокультурным сообществом) образы и представления, накладывающиеся на профессиональные знания» [20]. В медицинском дискурсе для концепта «смерть» характерны следующие эвфемистические высказывания:

- термины, включающие названия летальных медицинских ситуаций, предполагающий только смертельный исход, например: абсцесс, отек легкого, разрыв аорты и т.д.;

- научные формулировки, описывающие смерть как «прекращение (а) жизни; (б) жизненных функций, функций центров ствола головного мозга; (в) жизнедеятельности клеток, организма; (г) биологических процессов в клетках и тканях организма; (д) индивидуального суще-

ствования организма; (ж) существования целой фауны» [21];

- косвенные высказывания, определяющие деятельность врачей в ситуациях, ведущих к смерти: «Нагноение разрушило крупный сосуд. Все залило. Ничего сделать не могли», «Поэтому выжидательную тактику при продолжающемся кровотечении мы считаем необоснованной, так как запоздалая реторакотомия у ослабленного кровотечения больного может привести к печальному исходу», «Это конец! Все», «Мы его потеряли», «Летальный исход наступил...», «Это непременно и очень скоро приведет девочку к гибели» (цит. по [21]). Наблюдения над эвфемизмами в медицинском дискурсе свидетельствуют о смещении фигуранта действия. Так, если в религиозных группах демонстрируется активное участие самого субъекта действия (умершего), как, например, *ушел к праотцам, уснул навек* и т.д., то в медицинском дискурсе в эвфемистической номинации демонстрируется активное участие говорящего, исключая участие умершего, например, *мы сделали все, что могли, мы его потеряли* и т.д.

Как видно из исследований концептуальных оснований формирования семантики эвфемистический единиц табуированных сфер пяти европейских языков Порохницкой Л.В., репрезентация концепта «смерть» через описание процессов жизнедеятельности организма присуща всем языкам и культурам, поскольку отображает естественность и необходимость данного состояния организма [1]. Например:

- физический покой (*успокоиться навек*);
- сон (*уснуть вечным сном*);
- отдых (*найти вечный покой*);
- свобода (*быть освобожденным от страданий*);
- прекращение питания (*сложить нож и вилку, быть вычеркнутым из продовольственной карточки*);
- прекращение жизнедеятельности (*остановить свой путь, закрыть глаза, испустить последний вздох, утихнут, больше не издать ни звука*).

Культурные знания, что являются специфическими для определенной социальной группы, могут вызывать затруднения при декодировании информации. Непонимание и конфликты часто возникают из-за допущения того, что все люди действуют на основе одних и тех же культурных схем, а также из-за стремления интерпретировать смыслы «чужого» лингво-культурного сообщества посредством культурных схем своей культуры. Культурные знания распространяются также благодаря демонстрации и усвоению «культурных стереотипов», которые в отличие от «культурных схем» (сценарии культурного обобщения - результат коллективной интерпретации) представляют собой индивидуальные устойчивые и упрощенные образы, «освященные национальной традицией как социально благоприятное, гармонизирующее речевое действие или речевое средство» [22]. Имея «упрощенную» структуру, культурные стереотипы, зачастую носят поверхностный характер, что нередко приводит к недопониманию между коммуникантами, как представителями одного этноса, так и разных лингво-культурных сообществ. Важно уточнить, согласно нашей теории, социогенная конвенция действует в рамках вторичных социальных групп и может опираться как на «культурные схемы», так и на «культурные стереотипы».

В рамках данного исследования, еще одной категорией, отображающей конвенциональную сущность эвфемии является *спорадическая конвенция* (греч. *sporadikos* – не имеющий всеобщего распространения; случайный, единственный, отдельный). Здесь речь пойдет о первичных группах, где взаимоотношения между членами группы отличаются интимностью и взаимной симпатией, поскольку в такую группу входят люди, которые играют важную и неповторимую роль в жизни индивида. По мнению Ч.Х. Кули, «осуществляя социализацию индивида, первичная группа выступает как бы связующим

звеном между личностью и обществом» [23]. По мнению психологов взаимодействие членов в таких группах стихийно, поскольку оно определяется их личными отношениями, общностью системы ценностей, которые определяются ожиданиями членов группы по отношению друг к другу [24].

К эвфемистическим компонентам спорадической категории могут относиться как вербальные, так и невербальные элементы, смысл которых может быть понятен лишь для ограниченного количества людей, а эвфемистическая нагрузка может выражаться за счет эмоционального компонента. Так, использование дисфемизмов, а также нецензурной лексики могут быть интерпретированы членами первичной группы как эвфемизмы только на основе эмоциональных связей между коммуникантами.

Примером спорадической конвенции могут послужить сцены прощания с близкими людьми из британского драматического сериала о криминальном мире Бирмингема 20-х годов прошлого века, созданного Стивенем Найтом в 2013 году «Острые козырьки» (англ. *Peaky Blinders*). Каждый раз, провожая члена семьи, самый близкий пели куплет старой песни, в которой, однако, не было прямого упоминания прощания с жизнью. В работе приведем лишь отрывок, который был озвучен в фильме. Произведение называется «In the Bleak Midwinter», автор Кристина Росетти, впервые оно было опубликовано в 1872 году. Сами же герои объясняют это следующим образом: «— Джон хотел уйти именно так — вместе с дымом. Но дело в том, что мы давно умерли, все вместе: Артур, я, Дэнни Пуля в башке, Фредди Торн и Иеремия... и Джон. Путь к отступлению был отрезан, патронов не осталось, и мы ждали, что прусская кавалерия прискачет и добьет нас. И пока мы ждали, Иеремия предложил нам спеть «Зима была холодной...», но мы выжили, и враги не появились, и мы поклялись, что нам было даровано лишнее время и перед лицом смерти мы будем вспоминать об этом...» Здесь очевиден сговор ограниченной группы людей, смысл этой договоренности понятен только самым близким и посторонним, в том числе и зритель, не сразу могут вывести подлинное значение. Поэтому каждый раз, когда необходимо было сообщить близким о смерти родного человека, герои этого фильма декламировали отрывок этой старой песни, тем самым выражая скорбь и поддержку друг другу.

Резюмируя сказанное выше, отметим, что в сценарии эвфемистической реализации концепта «смерть» отражен дуализм общего и частного, обыденного и уникального, возможного и невероятного. Семиотическая эвфемистическая репрезентация концепта «смерть» осуществляется благодаря мощному вербальному ресурсу, предлагаемому языковой системой и речевой практикой. Семиотический эвфемистический апеллятив исследуемого концепта может включать в себя: синонимические ряды, лексико-семантические поля, метафорические образы, прецедентные тексты, символы, произведения искусства и орнаменты, ритуалы и обряды, объекты материальной и духовной культуры и т.д... Несмотря на то, что исчерпывающего описания концепта «смерть», способного выразить все содержание этого понятия не существует, масштаб семиотической эвфемистической среды напрямую связан с значимостью этого концепта для лингвокультурного сообщества, а также с аксиологической уникальностью или антропологической ценностью того внеязыкового явления, которое воплощено во всем его семасиологическом объеме.

ВЫВОДЫ

Реализация эвфемистической функции свидетельствует о симбиозе процесса и результата: эвфемизм, как результат процесса познания, как результат процесса прогнозирования, как результат процесса языкового ассоциирования демонстрирует движение от лингвокультурной потенции к контекстной реализации.

Эвфемизм как феномен психо-лингво-культурного

порядка берет свое понятийное начало из перцептивно-образных ассоциаций, органически встраивается в культурные схемы и находит свое материальное воплощение в знаковых формах. Между идеальной сутью понятия и материально-семиотическим воплощением эвфемистического апеллятива нет единообразия, поскольку концепт «смерть» будучи неоднородным ментальным образованием, имеет широкую вариативность способов овнешнения среди языковых знаков, может быть выражен целым рядом невербальных средств, а также может возникать как кодово-вариативное явление, которое в каждом коммуникативном акте сохраняет понятийную сущность, но меняет форму выражения в зависимости от типа конвенциональных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 420 с.
2. Мансур М.Х.С. Эвфемистическая репрезентация воровства в русской и арабской фразеологии: лингвокультурологический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 4 (12). С. 126-130.
3. Popescu F. A Paradigm of Comparative Lexicology. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2019. 296 p.p.
4. Зубкова О.С. Метафорическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия // Когнитивные исследования языка. 2014. №19 (19). С. 237-245.
5. Логвина С.А. Некоторые особенности системной организации вербальной эвфемии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1 (32). С. 112-120.
6. Пуанкаре А. О науке: Пер. с фр. / под ред. Понтрягина Л.С. М.: Наука, 1990. 736 с.
7. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 5-11.
8. Уваров М.С. Смерть и погребение в музыке // Фигуры Танатоса № 6. Кладбище. СПб.: Изд-во Ин-та Человека РАН, 2001. С. 360-377.
9. Савченко Д.В. Социальные группы в структуре общества: теоретические концепции и управленческие модели // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 292-296.
10. Rice P. The Quality of Language and Thought in Developmental Education // Journal of Developmental and Remedial Education. 1980. No. 4 (1). Pp. 9-10.
11. Strauss A. Mirrors and Masks: the Search for Identity. New Brunswick, NJ: Transaction. 1997. 188 p.p.
12. Стародубцева Е.А. Модель концептуализации и распределения культурного знания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 3. С. 79-86.
13. Sharifian F., Tayebi T. Perceptions of Impoliteness from a Cultural Linguistics Perspective. In: F. Sharifian (Ed.), Advances in Cultural Linguistics. Cultural Linguistics. Singapore: Springer. 2017. Pp. 389-409.
14. Сазонова Т.Ю. Модели репрезентации культурного знания // Теория Языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГУ, 2008. Вып.8. С. 81-90.
15. Арьес Э. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
16. Березина А.В., Александрова М.Д. Концепт «смерть» в иранской культуре (на примере фразематики персидского языка) // Гуманитарный вектор. 2019. № 1 (14). С. 20-29.
17. Liu W. Analysis on the Comparison between English and Chinese Euphemisms // Conference Proceedings Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2016. Pp. 1713-1716.
18. Guo Q. Cultural Differences in Chinese and English Euphemisms // Cross-Cultural Communication. 2010. No. 4, vol. 6. Pp. 135-141.
19. Hai-long J. Intercultural Study of Euphemisms in Chinese and English // Sino-US English Teaching. 2008. No. 5, vol. 8. Pp. 54-56.
20. Зубкова О.С. Функции тропов в специальном дискурсе (на примере профессиональной метафоры и каламбура) Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28). С. 37-50.
21. Ефремова Н.В. Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 215 с.
22. Зубкова О.С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных видах дискурса). Автореф. кандидата филологических наук. Курск, 2006. 22 с.
23. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. под ред. А.Б. Толстова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн., 2000. 320 с.
24. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000. 685 с.

Статья поступила в редакцию 09.08.2020

Статья принята к публикации 27.05.2021